

Владимир СПИВАКОВ:

На Страдивари мне не заработать

Взгл. кино - 1997 - 8 март - 45

Патриарший пруд — место, как известно, мистическое. Энергетическая аномалия. Здесь и весна раньше всего начинается. Прилетают утки, жарко светит солнце. На непросохших дорожках щебечут птицы и маленькие дети. Это излюбленное место свиданий. Теперь на Патриаршем живет и Владимир Спиваков — только что въехал в новую квартиру. Уставший, правда, измученный — после большой поездки по российской провинции, где дал немало благотворительных концертов с «Виртуозами Москвы». В Новосибирске он получил из публики записку: «Во время смутных переломов и перестроечных райков Россию не спасет Обломов. Спасет Россию Спиваков».

— Владимир Теодорович, вам уже давно пора спокойно паразитировать на своей всемирной славе! Ваше поколение — Третьяков, Башмет, Гутман, Кремер — уже прочно заняло пьедестал Гилельса и Ойстраха. А вы мало того, что ведете беспоконную артистическую жизнь, так еще и без конца всем помогаете. Только взгляд у вас все грустнее, совсем уже не узнать того солнечного мальчика с конкурса Чайковского. У вас выработалось какое-то философское отношение к жизни?

— Мое поколение музыкантов объединяет не только то, что мы родились в России. Нам объединяет время. И я бы не хотел быть сегодня просто попутчиком. Мы должны помнить о том хорошем, что было. А хорошего было много, и мы за это должны быть благодарны.

— Вы чувствуете какой-то внутренний долг перед Россией?

— Наверное, так. Тем более что в России люди сейчас лишены духовной опоры. Я только что проехал с «Виртуозами» по городам, мы были в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Новосибирске, Перми, Ижевске. Я уже не говорю о том, что залы не могли вместить всех желающих. Я говорю только об ощущении, что люди соскучились по красоте, по подлинности, по доброте. У меня с оркестром никогда не возникает трений, когда я предлагаю сыграть благотворительный концерт. Сама эта идея уже как-то прижилась в оркестре. Мы везде стараемся оставить добрый след. В Пермском хореографическом училище мы дали незапланированный концерт, и дети для нас танцевали — это было трогательно до слез.

— По-моему, нигде в цивилизованном мире провинция не находится в таком запустении, как у нас.

— Я вообще считаю, что, если бы не ее долготерпение, ни одна власть бы тут не удержалась. Люди чистые, неиспорченные.

— Вы снова учредили несколько стипендий для юных музыкантов?

— В Новосибирске — девочке-пианистке Полине Кондрачковой, а скрипачу Мише Симонянну помогу с инструментом. В мае мы гастролируем по Белоруссии, Армении, Грузии. Во время прошлых гастролей я уже учредил в Белоруссии две стипендии, сейчас добавлю еще две. А в Ереване — еще четыре, помогу и грузинским вундеркиндам.

— Вы повидались в Екатеринбурге с мальчиком, которому прошлым летом вы оплатили сложную операцию на сердце?

— Я считаю, это мой крестный сын. Я никогда раньше Иоанна Бердюгина не видел. Ему сейчас три года. Оказалось, он из семьи священника, где шестеро детей. Десять дней, пока шла операция, пока он лежал в реанимации, я не жил... А теперь его привели на наш концерт, он сидел в первом ряду, слушал. Потом пришел в артистическую, спел мне древнерусскую молитву.

— Владимир Теодорович, наверное, у вас очень высокий уровень личных притязаний?

— Минимальный.

— Я не верю. Вы достигли максимальной славы, во всяком случае, как это видно отсюда, с нашего огорода. И все-таки я недаром спросила о философских воззрениях. Конечно, не в том смысле, что небожители пора в монастырь...

— Иногда такие мысли у меня бывают, кстати сказать. («Я надеюсь, эти мысли временные», — смеется жена Спивакова Сати). Какой уровень притязаний?! У

меня нет роллс-ройсов, и самолетов у меня тоже нет. Зато у меня есть долги.

— Ну да?!

— Клянусь. Как у каждого человека.

— Но Страдивари-то у вас есть?

— Нет, я играю на скрипке, которая досталась мне от моего педагога, Юрия Исаевича Янкелевича. Это очень хорошая скрипка, Гобетти. Но ввиду того, что она очень битая и в грудь ее вставлены байпасы, то есть шунты, как в сердце, оценивается она не дорого.

— Неужели у Спивакова нет Страдивари?

— На Страдивари я вряд ли могу заработать.

— Предположим, вам дают чужую скрипку — вы сможете на ней полноценно сыграть?

— Были такие случаи. Мне давали играть на скрипках Страдивари и Гварнери, целые две недели я играл на очень хорошей скрипке. Но потом вернулся с благодарственным письмом: так и так, простите, пожалуйста, но я надеюсь, что вы поймете разницу между страстью и любовью.

— Сколько всего у вас скрипок?

— Только одна. Если появляются другие — я отдаю их музыкантам моего оркестра.

— Современная скрипка как-то трансформируется? Меняется форма эфов, изобрели какую-нибудь пластмассу?

— Скрипка никак не меняется. Скрипичные мастера только пытаются достичь того совершенства, какое было в XVII, золотом скрипичном веке.

— Сколько концертов в год

вы играете?

— Около ста.

— Раз мы упомянули Янкелевича — а сами вы преподаете?

— Пять дней в году.

— Как это?

— Был такой великий скрипач Натан Мильштейн, выходец из России, ученик Леопольда Ауэра. Он вел мастер-классы в Цюрихе. Не так давно, после его смерти, ко мне обратился мэр города с просьбой вести эти курсы. Кроме того, я же 15 лет преподавал в Гнесинском институте.

— И есть знаменитые ученики?

— Они разбросаны сейчас по всему миру.

— Почему Янкелевич не стал концертным скрипачом?

— Ему выпало огромное счастье отгадать свое призвание. Это не с каждым бывает. Как Печорин: силы в себе ощущал необъятные, но не знал, как их применить. Юрий Исаевич был Мастером в ренессансном понимании. Это сейчас очень редко бывает, особенно на Западе. Там более прагматичные люди. На студента отпущено полчаса. Стараются побольше студентов взять... А Юрий Исаевич воспитывал Личность. Он же из плеяды таких педагогов, как Флиер, Нейгауз, Ойстрах, Цыганов. Они на часы не смотрели. Они были не просто педагоги — служители.

— На вашей памяти такие примеры! Не тянет преподавать? Или уже поздно?

— Почему поздно... Может, наоборот, рано. В конце концов, дирижер — это всегда педагог. Он должен вовремя остановить оркестр, сказать: вы не так играете...

— Когда вы создали «Виртуозов», оркестр быстро приобрел бешеную популярность. Сколько совершенно немusыкального народа подключилось к классике! Я помню, как снобы академического толка шарахнулись от этого феномена, кто-то ворчал, что «Виртуозы» — это дешевка... Не бывает такого качества при «дешевке»? Кстати, о качестве. Есть ли какие-то сочинения, которые у вас не получаются?

— На каждом концерте что-нибудь да не получается. Всегда же есть идеал, к которому стремишься.

— А лично для вас есть сочинения, которые вам не под силу?

— Каждый день, когда я вынимаю скрипку, мне кажется, что я начинаю все сначала.

— То есть как писатель перед белым листом бумаги... Владимир Теодорович, ваша жена по образованию актриса. Теперь она только домохозяйка?

— Почему, она выступала с нашим оркестром. Например, читала «Реквием» Ахматовой на французском языке. Но все-таки у меня трое детей, три девочки, им же нужно уделять внимание.

— Где они сейчас?

— В Париже, с бабушкой.

— Младшей уже сколько? В прошлый раз вы говорили, что она очень музыкальна и даже что-то уже поет.

— Ей два с половиной. А поет она, например, «Спят усталые игрушки».

— Откуда она это знает?

— А я с помощью нашего посольства подключил ОРТ, так что дети смотрят телевизор на русском языке. Звонил вот, спрашиваю: как вы там? А они рассказывали, что до поздней ночи смотрели день рождения Пугачевой, пели и танцевали.

— Вы не собираетесь более прочно осесть в Москве?

— Думаю, я этого не хочу? А зачем я тогда отремонтировал эту новую квартиру? Только вот пока еще не выбрал угол, в котором было бы удобно работать. Мы два дня как въехали. Брожу по квартире, как собачка, которая выбирает угол для сновидений.

— Вашему оркестру действительно не дают помещения под репетиционную базу? Ведь это невероятно до скандала, история тянется как сказка про белого бычка. Виртуозы города Москвы называется...

— Сейчас ездили по России, и не было ни одного города, где люди не говорили бы, что им стыдно за Москву.

— Может, надо напрямую пойти на поклон к Лужкову?

— Был. Последний раз — в декабре. Но догадываюсь, что ему тоже непросто.

— Намечается хотя бы какое-то конкретное здание?

— Он обещал. Сказал, что вопрос практически решен. Идея была, чтобы мы стали оркестром под патронатом мэра. Мы же сейчас не государственный оркестр, не муниципальный, никакой. По статусу мы бомжи просто.

Телефон во время разговора звонил беспрестанно. И кто только не просил билетки на предстоящий концерт! Ведь Спивакова, как известно, даже пожарные любят. Может, скоро он будет наезжать в Москву чаще. Может, будет жить с семьей в новой квартире на Патриаршем. Могу себе представить, как зеваки на пруду кинутся брать у него автографы, когда он зимой выведет дочек на каток. Я ему этого очень желаю. А уж нам-то я этого как желаю! И нашему мэру Лужкову тоже.

Встречалась Наталья ЗИМИНИНА.

ФОТО ВЛАДИМИРА СУВОРОВА.

ФОТО ЕВГЕНИЯ БУРМИСТРОВА.

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА.

